ИСТОРИЯ

«Мачеха российских городов»

Так называл Берлин Владислав Ходасевич, живший здесь вместе со многими русскими писателями и поэтами в начале 1920-х. О том, как русская литературная колония боролась с арендодателями, чиновниками и спекулянтами, а заодно и друг с другом, для «Д» рассказывает **Томас Урбан**.

Томас Урбан

KATHERINE YOUNG / GETTYIMAGES.RU

В 1920-х именно здесь, в кафешках берлинской Курфюрстендамм, собирались русские писатели

«Я попал с вокзала в ту часть Берлина, которая русскими называется „Петербургом“, а немцами „Шарлоттенградом“. Я встречал там людей, о которых в течение двадцати лет уже не было слуха; священное место, где мертвые восстают из гробов, чтоб пройтись по залитому электричеством Курфюрстендамму!»

Такими словами широко известный в то время русский писатель Андрей Белый описывал свои первые впечатления после прибытия в Берлин осенью 1921 года. Белый сперва восхищенно приветствовал бурные перемены в революционном 1917 году, надеялся, что общество встанет на путь гуманизма, но вскоре понял: революция оказалась задушена бюрократией и тайной полицией. Тогда писатель пополнил ряды тех примерно 300 тыс. русских, которые выбрали Берлин, чтобы переждать переходный период и посмотреть, какое направление примут события у них на родине.

Молодой поэт Владислав Ходасевич называл Берлин «мачехой российских городов» — это аллюзия на «Слово о полку Игореве», в которой Киев назван «матерью городов русских». На протяжении двух лет, с осени 1921-го до конца 1923-го, Берлин играл выдающуюся роль в российской культурной и духовной жизни, после чего основная масса эмигрантов подалась в другие города — в основном в Париж — или вернулась в ставшую советской Россию.

Среди русских берлинцев были и другие видные писатели: критик общественных порядков Максим Горький, поэты Марина Цветаева и Борис Пастернак, эксцентричный автор легенд и сказок Алексей Ремизов, сатирик Илья Эренбург, литературовед и киновед Виктор Шкловский, остроумный циник Алексей Толстой и, наконец, Владимир Набоков, впоследствии снискавший мировую славу.

> Сергей Есенин со своей супругой Айседорой Дункан дважды останавливался в немецкой столице и успел спровоцировать несколько нешуточных скандалов

Однако они жили отнюдь не в гармоничной атмосфере писательской колонии. Напротив, между ними разгорались ожесточенные споры, строились интриги, случались скандалы, но помимо козней и коварства были и любовные истории, счастливые и несчастные.

Поэт революции Владимир Маяковский несколько раз приезжал из Москвы, чтобы пропагандировать достижения советской власти, а также целенаправленно сеять беспокойство в кругах эмигрантов. Enfant terrible русской поэзии Сергей Есенин во время кругосветного путешествия со своей супругой американской танцовщицей Айседорой Дункан тоже дважды останавливался в немецкой столице и успел спровоцировать сразу несколько нешуточных скандалов.

Берлин стал центром иммиграции, поскольку после краха рейхсмарки счастливые обладатели твердой валюты имели возможность осуществлять финансовые трансакции с многократной выгодой. Маяковский, отправившийся на Запад как провозвестник мировой революции, публично сокрушался о поведении соотечественников, наживавшихся на инфляции в Германии. Однако он скрывал от своих читателей, равно как и от принимавших его немецких коммунистов, что к числу бенефициаров принадлежал и он сам: в «Торговом доме Запада» (Kaufhaus des Westens, KaDeWe) поэт скупал всякую всячину для московских друзей, а также для партийных функционеров, дабы заручиться их расположением. Один из списков покупок сохранился до наших дней: одну из верхних строчек в нем занимало женское белье, описанное во всех деталях.

Алексей Толстой, отпрыск знаменитого дворянского рода, в Берлине превратившийся из противника большевиков в их сторонника, писал в одной статье для московской газеты «Известия»: «Хорошо живут только спекулянты, среди них много русских эмигрантов». Он тоже умалчивал, что сам жил на широкую ногу: Толстой снимал шестикомнатную квартиру на улице Курфюрстендамм в центре города и регулярно устраивал торжества. Вконец обедневшему Ходасевичу он предложил пошить в ателье костюм, но аскетичный поэт возмущенно отверг щедрое предложение. Немногим позднее Толстой возвратился в Москву, где стал «красным графом» и одним из придворных поэтов Сталина.

Большинство эмигрантов, из которых в России почти все относились к среднему и высшему классу, оказались в незавидном положении. Они не могли рассчитывать ни на дипломатическую защиту, ни на какую-либо финансовую поддержку со стороны немецкого государства. Разрешение на пребывание приходилось регулярно продлевать. Алексей Ремизов описал в автобиографическом рассказе «Esprit» («Эспри») свои хождения по мукам и борьбу с упертыми немецкими чиновниками.

Набоков тоже описывал в своих воспоминаниях чувство потерянности и беззащитности эмигрантов: «Жадный бюрократический ад норовил засосать просителя, и он изнывал и чах, пока пухли его досье в столах крысоусых консулов и полицейских чиновников».

В довершение всего эмигранты оказались заложниками произвола арендодателей, им приходилось биться с косными чиновниками, было невероятно трудно найти работу. Собственники квартир сплошь и рядом требовали чудовищную предоплату, часто в твердой валюте, истощая последние сбережения большинства эмигрантов, к радости заимодавцев. В «Машеньке», первом из его семи берлинских романов, Набоков описал мучительную тесноту съемных квартир и пансионов, причем русские домовладельцы ничуть не уступали немцам в алчности и безжалостности. Герой романа «Дар», действие которого тоже происходит в кругах русских в Берлине, сетует на беспардонные манеры немецких дворников, стремившихся в полной мере насладиться своей, пусть даже ничтожной, властью.

Очень быстро в Берлине возникли «отделения» политических партий, существовавших в России до гражданской войны. К тому же город стал местом притяжения для агентов, информантов, осведомителей всех мастей. Руководство в Москве организовывало слежку за эмигрантскими организациями, надеявшимися подготовить на немецкой земле свержение новых властей в Кремле. Из Москвы прибывали целые полчища агентов, большая группа которых была целенаправленно приставлена к писателям и публицистам, прежде всего к известнейшему из всех русских берлинцев — Максиму Горькому. После создания новой тайной полиции, официально именовавшейся чрезвычайной комиссией, их стали называть чекистами. Их базой было советское торгпредставительство и посольство на Унтер-ден-Линден.

> Из Москвы прибывали полчища агентов, большая группа которых была приставлена к писателям и публицистам

Агенты Москвы пытались просочиться в коллектив русской ежедневной газеты «Руль», которой руководили двое эмигрировавших либеральных политиков — Иосиф Гессен и Владимир Набоков, отец известного писателя. Начинание пользовалось финансовой поддержкой богатого издательства «Ульштайн». Редакция не только отвергала возвращение к царизму, но и жестко критиковала советский режим.

Ежедневная газета «Накануне», напротив, имела откровенно просоветский характер — ее редакция располагалась на Бойтштрассе, 8. Она призывала эмигрантов возвращаться в советскую Россию. У новых хозяев Кремля, аргументировало издание, есть определенные заслуги перед Россией, прежде всего это военные победы над группировками иностранных интервентов. В 1990-е годы в Москве были найдены документы, подтверждающие финансирование газеты Кремлем. Сталин лично распорядился, чтобы советское посольство в Берлине поддерживало редакцию деньгами и одновременно контролировало ее.

Из Москвы тщательно следили и за литературными кружками эмигрантов. Не кто иной, как всесильный нарком Лев Троцкий, посвятил эмигрировавшим писателям внушительное по объёмам эссе, в котором называл их «покойниками, впрочем едва ли когда серьезно рождавшимися». И еще: «В трупном разложении эмиграции довершился некий полированный тип посвистывающего циника». Есть только один выход, продолжал он: поезд в Москву.

Берлинские кафе стали авансценой для эмоциональных дискуссий о назначении и задачах русской литературы, прежде всего это относится к кафе «Леон» на Ноллендорфплац и «Прагер Диле» на углу Прагерплац и Траутенаустрассе. Андрей Белый изобрел словечко «прагердильствовать», которое в его понимании означало «проводить время за философствованием и полемикой, в синем дыму сигарет и с коньяком». Частым гостем там был и вечно меланхоличный ипохондрик Ходасевич. Он посвятил «Прагер Диле» свое чрезвычайно мрачное стихотворение «Берлинское».

Завсегдатаем заведения стал и Эренбург, советский гражданин, приезжавший в Берлин как журналист: на видавшей виды печатной машинке он писал свои тексты, и, казалось, суета в кафе его нисколько не отвлекала. Писатели и художники, заигрывавшие с московскими властями, предпочитали собираться в кафе «Ландграф» на Курфюстенштрассе, 75. Оппоненты большевиков обходили его стороной.

Эренбург писал в своих мемуарах, что разногласия в эмигрантских кругах относительно признания советской власти поначалу не играли особой роли в дискуссиях, однако позднее превратились в непреодолимый ров: «В заурядном немецком кафе по пятницам собирались русские писатели. Выступал Маяковский. Читали стихи Есенин, Марина Цветаева, Андрей Белый, Пастернак, Ходасевич. Года два и три спустя поэт Ходасевич никогда бы уже не пришел в помещение, где находился Маяковский».

Белый и Пастернак вернулись в Москву, так же, как и молодой Виктор Шкловский, который в своей книжке «Zoo, или Письма не о любви» нарисовал колоритную картину эмигрантской колонии в Берлине. Впрочем, очень скоро все трое столкнулись с постоянно усиливавшимся давлением со стороны советской цензуры. А вот Марина Цветаева, Владислав Ходасевич и сказочник Алексей Ремизов сначала перебрались в эмиграцию в Париж, где их произведения выходили совсем минимальными тиражами. Конец русской писательской колонии положила валютная реформа 1923 года: если для немцев она стала шагом к нормализации, то для эмигрантов жить в Берлине стало не по карману.

ПАРТНЕРЫ

Музыка соединяет

Международный молодежный Чайковский-оркестр и Летняя оркестровая академия сводят вместе молодых музыкантов из Германии и России. Пример партнерства между Берлином и Екатеринбургом вошел в число 30 выдающихся проектов, отмеченных Германо-российским форумом в нынешнем году.

Концерт в Краснотурьинске надолго останется в памяти участников Летней оркестровой академии. По случаю открытия нового регионального концертного зала в городском дворце культуры в начале июля в 60-тысячный уральский город на Северном Урале прибыл российско-германский Международный молодежный Чайковский-оркестр (проект академии). Для этого музыкантам пришлось проделать долгий (400 км от Екатеринбурга) и местами утомительный путь по безлюдным уральским просторам. «Сердечный прием и буквально осязаемая благодарность местной публики покорили нас всех»,— говорит Николаус Рексрот из берлинской компании RCCR Projects, которая реализует проекты в сфере культуры и международного сотрудничества и в значительной мере подготовила такой успех с немецкой стороны. «Слушатели после концерта подходили к музыкантам, лично благодарили и вручали подарки — букеты цветов или домашнее варенье,— рассказывает Рексрот.— Для всех оркестрантов это был очень трогательный опыт».

Перед выступлением музыканты оркестра посетили городской музей и познакомились с историей города. Начиная с 1941 года он строился во многом силами немецких военнопленных, равно как и алюминиевый завод, которому Краснотурьинск обязан своим экономическим подъемом. Музыканты академии — люди в возрасте от 18 до 30 лет — также побеседовали с потомками немецких военнопленных, чьи рассказы позволили соприкоснуться с российско-германской историей в столь отдаленных местах. Эта встреча, рассказывает Рексрот, на многих тоже произвела глубокое впечатление.

Конечно же, центральное место в программе Летней оркестровой академии занимают интенсивные репетиции. Чайковский-оркестр формируется поровну из музыкантов Уральского молодежного симфонического оркестра (г. Екатеринбург) и молодых исполнителей из Германии, Южной Кореи, Испании, Израиля и Португалии, обучающихся в немецких вузах. «При отборе мы сотрудничаем с уважаемыми профессорами, которые организуют для Чайковский-оркестра собственные прослушивания»,— говорит Рексрот. Это позволяет обеспечить высокий уровень обмена музыкальным опытом на репетициях в Екатеринбурге, призванного послужить обогащению обеих сторон.

«Так, немцы и западные европейцы, играющие на струнных смычковых, часто поражаются той энергии и эмоциональности, которую вкладывают в исполнение их российские коллеги»,— рассказывает Рексрот. С другой стороны, российские духовики приобщаются к намного более обширной традиции духового исполнительства в западноевропейской музыкальной истории и к обусловленному этим набору техник. «В таком взаимном вдохновении, в учебе друг у друга и заключается истинное предназначение академии. Каждый музыкант берет что-то для себя, а что-то сам дает другим»,— отмечает Рексрот. Совместный репетиционный труд увенчался тремя успешными концертами в Екатеринбурге, Ревде и Краснотурьинске. Большинству это музыкально-культурное событие запомнится надолго.

Контакты между берлинской компанией RCCR Projects и Свердловской государственной академической филармонией (г. Екатеринбург) поддерживаются с 2014 года. В 2018 году после ряда менее масштабных проектов-предтеч «академия» уже во второй раз состоялась в сопоставимом формате. За наведение музыкальных мостов пример партнерства Берлина и Екатеринбурга удостоился включения в тридцатку выдающихся проектов российско-германского года региональных партнерств (2017/18), притом что в общей сложности Германо-российский форум получил 250 конкурсных заявок. Так Оркестровая академия оказалась в числе счастливчиков, награжденных в Берлине.

ТАТЬЯНА АНДРЕЕВА

После концерта. Международный молодежный Чайковский-оркестр

Для музыкальной оси Берлин—Екатеринбург такое награждение — это попутный ветер для дальнейших совместных шагов на избранном пути. Первые планы на 2019 год уже есть и предполагают еще больший размах сотрудничества. «Филармония Северо-Западной Германии из города Херфорд обратила внимание на наше академическое начинание»,— радуется Рексрот. На следующий год намечена совместная работа над Альпийской симфонией Рихарда Штрауса — оркестровым произведением для более чем 100 исполнителей.